

Янь помассировал виски и хрипловатым голосом произнёс:

— Ты подвергся атаке, но я не смог найти её источник. Ситуация, возможно, сложнее, чем мы думали.

Он помолчал, почувствовал, что так и не ответил на вопрос Нин Юаня, и пояснил:

— Со мной всё в порядке. Просто я немного истощился, пытаюсь упорядочить твою разрозненную духовную силу. Мне нужно хорошенько выспаться пару дней, и всё пройдет. И ещё: если в ближайшее время не случится ничего важного, постарайся сохранять душевное равновесие. Мне нужно восстановить силы, а когда Устройство накопит достаточно энергии, я должен буду доложить об этой ситуации. В ближайшие дни тебе придётся заботиться о себе самому.

Сказав это, он уставился на Нин Юаня, и тот почувствовал, как мурашки побежали по коже.

— Ты... ты восстанавливай свою духовную силу... Зачем ты так на меня смотришь?

От такого взгляда у Нин Юаня сердце ушло в пятки. К чёрту! Какое ему дело? Если Янь хочет спать, пусть спит!

— Ты моя ответственность. Я хочу, чтобы ты пообещал мне сохранять спокойствие, только тогда я смогу спокойно уснуть.

Разрыв поколений... Разрыв поколений... Это точно разрыв поколений... Пропать размером со целую вселенную! Слишком много двусмысленности в его словах! Чужой человек подумал бы, будто он собирается заняться... тем самым! Встретиться с Буддой или Яньло! От одних лишь этих мыслей у Нин Юаня волосы встали дыбом.

Неужели он не умеет говорить по-человечески! Больничное место, да ещё и в такое время — сказать такую двусмысленную вещь! Странно было бы, если бы волосы не встали дыбом!

Поскольку у Нин Юаня не было внешних травм, а после его госпитализации врачи так и не смогли найти причину его состояния, на следующий день они снова собрались в его палате для консилиума. Утро прошло в хлопотах: задали кучу вопросов, бесконечно прикладывали стетоскоп к груди, но ничего подозрительного так и не нашли. Нин Юаню казалось, что они пришли смотреть на обезьяний балаган, но он не желал быть той обезьяной. Раз ничего не нашли, он потребовал выписки.

Дядя с семьёй и больничная администрация были против, но Нин Юань устроил такой скандал, что дядя с тётёй, включая его маленькую умную кузину, покорно помогли ему оформить выписку. Выходя из больницы, Нин Юань чувствовал, как по телу бегут мурашки. Взгляды врачей были невыносимы, но он не мог сказать, что потерял сознание из-за атаки духовной силы. На самом деле он был здоров, но так говорить было нельзя... Он не хотел, чтобы его сочли сумасшедшим.

Выписавшись, он вежливо отказался от доброго намерения Инъин приехать на Гору Ян ухаживать за ним. Янь сказал, что будет спать несколько дней, и Инъин действительно было бы неудобно жить там. Нин Юань согласился на предложение дяди каждый день обедать у них, а затем вместе с Янем взял такси и вернулся на Гору Ян.

Дома Янь ещё раз дал Нин Юаню несколько наставлений, подчеркнув, что сейчас должен стабилизировать духовную силу, а когда проснётся, сможет начать учить его тренироваться.

После этого он не спеша лёг на кровать. Нин Юань со странным волнением смотрел, как Янь засыпает. Постояв так довольно долго, он дрожащим пальцем поднёс к носу Яня и, убедившись, что чувствует тёплое дыхание, с облегчением закрыл дверь в его комнату и вышел.

Янь спал целую неделю и не просыпался. Четвёртые поминки по бабушке уже прошли, вот-вот наступят пятые, а Янь всё не подавал признаков пробуждения. Нин Юань волновался, каждый день по пять-шесть раз забегал в комнату Яня, и каждый раз с трепетом подносил палец к его носу, чтобы убедиться в наличии дыхания.

Иногда, проснувшись ночью и не в силах уснуть, Нин Юань лежал и размышлял. А что, если всё, что сказал Янь, — ложь? Что, если он никогда больше не проснётся? Как Нин Юаню сможет тайком спрятать его тело, чтобы никто не нашёл? Как ему утихомирить последствия, чтобы не пострадала семья дяди? А если его всё-таки обнаружат... Ему уже исполнилось шестнадцать лет. Посадят ли его в тюрьму? И если он будет утверждать, что не убивал его, поверят ли ему?

Ах! Как же всё это надоело! До какого момента Янь будет спать? Ночь усиливала тёмные стороны души. Чем больше Нин Юань думал, тем труднее было уснуть, а чем труднее уснуть, тем больше мыслей возникало в голове. Чем больше он думал, тем больше боялся, а чем больше боялся, тем сложнее было уснуть. Это был порочный круг. В конце концов Нин Юань просто собрал свои вещи и перебрался в соседнюю комнату, ложась в одну постель с Янем. Теперь, когда он не мог уснуть ночью, он обнимал тёплое тело Яня, чувствуя лёгкое поднятие его груди, и только тогда мог спокойно уснуть.

Так Нин Юань и мотался между домом дяди и Горой Ян. На самом деле он мог бы и не ходить к дяде, Нин Юань сам умел готовить, но после того случая дядя с тётёй ни за что не хотели оставлять его одного с незнакомцем на Горе Ян, они боялись, что однажды больше никогда не увидят Нин Юаня. А из-за состояния Яня Нин Юань боялся приводить Инъян домой. К тому же он хотел разведать, кто же этот ребёнок, живущий на первом этаже в доме дяди. Так он и сохранил привычку каждый день бегать к дяде.

Терпение и труд всё перетрут. Наконец, на следующий день после четвёртых поминок по бабушке, Нин Юань увидел того самого перерождённого «младенца».

Честно говоря, увидев его вживую, Нин Юань действительно смог понять то возмущение младенца, которое он слышал в тот день. Если бы он был на его месте, его настроение тоже не было бы особенно хорошим. Ребёнку было всего три с небольшим месяца, нежный, мягкий комочек, посторонние боялись брать его на руки, опасаясь случайно сломать тонкую шею.

«До скольких лет нужно ждать, пока этот младенец вырастет и сможет сам о себе заботиться?» — думал Нин Юань.

Ребёнок был ещё слишком мал, говорить точно не умел, тот голос, который появился в его голове в тот день, наверняка был результатом того, что Система использовала какой-то особый метод, позволяющий младенцу вести диалог. Приёмные родители ребёнка были Нин Юаню знакомы, но не близко, отношения ограничивались вежливым кивком при встрече. А в прошлой жизни, после того как Нин Юань уехал в Город У, он давно забыл о них, так что в тот день под их окном он и не вспомнил, чей это дом.

Увидев Нин Юаня, младенец уставился на него своими чёрными глазками. Женщина, держащая ребёнка на руках, посмотрела на младенца, потом повернулась ко входящему Нин

Юаню и с улыбкой сказала:

— Увидел красавчика и глаз не оторвать, да? Маленький негодник, сразу видно — вырастет таким же ловеласом, как и его отец!

В её словах звучало так, будто этот младенец действительно был их родным ребёнком.

Увидев входящего Нин Юаня, Инъин уже встала, чтобы налить ему воды, и, держа кружку, улыбаясь, обратилась к женщине с ребёнком:

— Если бы мой брат не любил красавиц, откуда бы тебе взять такую красивую невестку?

Эта фраза пришлась тёте по душе. Она засмеялась, прикрыв рот рукой.

Младенец, вслед за колеблющейся от смеха грудью приёмной матери, тоже показал Нин Юаню беззубую улыбку. Когда уголки рта приподнялись, розовые дёсны открылись перед глазами Нин Юаня. В сочетании с его невинными глазами и пухлым улыбающимся лицом Нин Юань внезапно почувствовал, как по его душе прошёл тёплый ветерок, а из сердца разлилось кисло-сладкое ощущение. Внезапно ему очень хотелось взять его на руки, поиграть с ним, увидеть эту улыбку снова. Казалось, можно смотреть на неё вечно и не насытиться. Лишь бы он улыбался — и всё будет хорошо...

Нин Юань замер.

«Что это за чёртовское чувство? Ведь перед ним всего лишь трёхмесячный младенец! Какая чёртова Система даёт трёхмесячному младенцу такой чёртов навык? Даже если это педофилия, то объект должен быть лоли или сётокуном, а не младенцем! Не слишком ли этот навык силён?»

<http://bllate.org/book/16450/1492089>